

История дневника Нижинского

После того, как были найдены начало и конец рукописи, она вдруг явила собой уже готовый сценарий, совершенно потрясающий и неумолимый. Стало возможно совершенно точно датировать записки, над которыми Нижинский не работал в течение полутора-двух лет, как думал Игорь Маркевич, а вслед за ним многие другие. Записки Нижинского были сделаны на одном дыхании, за полтора месяца, поэтому к ним нельзя подходить как к книге и судить их за огрехи как настоящую книгу, над которой писатель долго работает. Хотя Нижинский задумал писать настоящую книгу. Он начал ее писать накануне своего последнего злосчастного выступления, на котором он перепугал собравшуюся светскую публику своей хореографической импровизацией, пояснил: «Это война».

Это было 19 января 1919 года. Нижинский начинает писать карандашом, внезапно, с другого конца тетради, в которой до этого записывал свои упражнения по балетной нотации (разработанная им система, продолжавшая идею Степанова, сразу же потеряла свою актуальность с появлением пригодной видеозаписи).

«Я назову эту книгу "Чувством". Я люблю чувство, а поэтому буду писать много. Я хочу большую книгу о чувстве, ибо в ней будет вся твоя жизнь. Я не хочу печатать книгу после твоей смерти. Я хочу напечатать теперь. Я боюсь за тебя, ибо ты боишься за меня. Я хочу сказать правду. Я не хочу обижать людей. Может быть, тебя посадят в тюрьму за эту книгу. Я буду с тобой, ибо ты любишь меня. Я не могу молчать. Я должен говорить...»

Так, почти с самого начала, в строку, начинается его диалог с Богом. Чувство не подводит Нижинского. Он чувствует, что у него мало времени, поэтому обрывает свои предыдущие записки, чтобы успеть сказать главное. Он чувствует, что его ждет:

«Ты будешь сидеть в сумасшедшем доме и ты поймешь сумасшедших. Я хочу, чтобы тебя посадили в тюрьму или в сумасшедший дом. Достоевский был в каторжных работах, а поэтому ты можешь тоже сидеть где-нибудь. Я знаю любовь людей, у которых не замолкает в груди, а поэтому они не позволяют тебя посадить. Ты будешь свободен как птица, ибо эта книга будет издана во многих тысячах экземпляров. Я хочу подписаться Нижинским для рекламы, но мое имя есть Бог».

О каком же «чувстве», превратившемся в малопонятный подзаголовок — «Чувства» — в английском и французском изданиях, идет речь? Нижинский именует чувством интуицию — инструмент творчества, тот слух, в который обращается художник, который, чем меньше его собственная воля и игры ума, чем тоньше этот слух, тем более художник — больше, чем художник: пророк. И сам он несколькими страницами позже назовет себя проповедником. Это чувство ни разу не подвело Нижинского-артиста, когда он потрясал души всех, кто видел его на сцене. «Кто видел, как танцует Нижинский, останется навеки обездолен этой утратой и долго будет думать с содроганием о его уходе в бездну печального безумия», — писала поэтесса Анна де Ноай. Оно же вело его, хореографа, когда он без дороги пошел в неизвестность: в его хореографических опытах такие осторожные шаги, как по первому снегу... И кто знает, может быть, оно же призматрило за ним, когда он, уже полубезумный, блуждал по окружающему городок Сен-Мориц горам, не один раз рискуя соскользнуть в заснеженную пропасть.

«Я пошел к пропасти, затем я упал вниз, но меня удержали ветки дерева, которые я не заметил. Тогда я удивился и подумал, что это чудо. Бог хотел проверить меня. Я понял его, а поэтому хотел отцепиться, но он мне не позволил. Я держался долго, но после некоторого времени испу-

Вацлав Нижинский в балете «Видение розы». Рисунок Ж.Кокто.

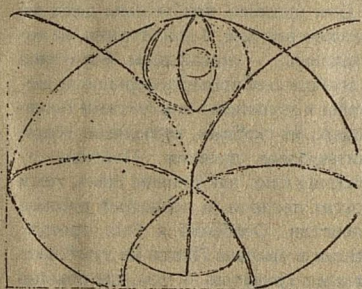

Рисунок из дневника Нижинского.

гался. Бог мне сказал, что я упаду, если я отцеплю одну ветвь. Я отцепил ветвь, но не упал. Бог мне сказал: "Иди домой и скажи жене, что ты сумасшедший". Я понял, что Бог хочет мне хорошего, а поэтому пошел домой и намеревался ей объявить эту новость. На дороге я увидел следы крови, но я больше этому не поверил».

Самые лучшие отрывки рукописи, надо отдать должное Ромоле Нижинской, присутствовали в изданном варианте тетрадей Нижинского — с учетом погрешностей перевода. Погрешности эти оказались так велики, что иногда меняли смысл на противоположный. Например, в случае с Роденом, который, по «дневнику», отказался от замысла скульптуры, найдя Нижинского чересчур совершенным. На самом деле Нижинский пишет: «Роден хотел меня зарисовать, ибо он хотел сделать из меня мрамор. Он посмотрел на мое голое тело и нашел его неправильным, а поэтому зачеркнул свои кроки». А вот откуда взялся ставший притчей во языцех «клоун божий»: «Я шут в Боге, потому что я люблю шутить. Я хочу сказать, что шут там хорош, где есть любовь», — пишет Нижинский просто так, вскользь. Но, скользнув, мимолетная мысль царапнула, задела что-то в душе больного артиста, и вот в другом месте он повторит, что он сумасшедший клоун. Трудно во всех огрехах винить переводчика, ведь по тексту прошлась рука всевластного редактора, Ромолы Нижинской.

Ромола прожила с Нижинским пять лет до заключения его в больницу, и ей ли было не знать, что с ним, с блаженным, можно все, чего нельзя с другими. И эта свобода, безнаказанность по отношению к человеку была перенесена на последний труд его жизни. Сокращения в тексте, необходимые или напрасные, были сделаны скорой и бестрепетной рукой. В результате спутались не только все причинно-следственные связи, но и сама нить повествования, ход событий, тот самый трагический сценарий, который в какой-то момент обрывают слепые, глухие, абсолютно чужие — родственники.

ГАЛИНА ПОГОЖЕВА

Париж

Окончание следует.